

— Чжоу Бо... Как ты считаешь? — Цигуань Янь, видя, что Гу Я весь путь молчал с холодным выражением лица, не выдержал и первым нарушил напряжённую тишину.

Такого Гу Я он раньше никогда не видел, и теперь его отстранённость, о которой ходили слухи, казалась немного более правдоподобной. Однако, привыкнув к обычному поведению Гу Я, он теперь не мог справиться с его холодностью.

Гу Я, казалось, немного колебался, прежде чем ответить:

— Его слова имеют некоторое сходство с тем, что говорил Лу Яо. Только в словах Лу Яо правда смешана с ложью, и я не знаю, насколько можно верить словам Чжоу Бо... Все люди во дворе Чжоу Тао погибли, и это не могло произойти без причины. Если это действительно сделал Сун Янь, то либо у него были какие-то разногласия с Чжоу Тао, либо Чжоу Тао обнаружил его действия, и он решил устранить свидетелей. Только я не могу понять, зачем было убивать всех во дворе. Неужели каждый из них знал его секрет?

После этих слов оба замолчали. Тема была слишком тяжёлой — ведь речь шла о десяти жизнях, которые оборвались так неясно. Хотя в мире боевых искусств вид крови был обычным делом, большинство бойцов не стремились лишать жизни. Власти не вмешивались в дела мира боевых искусств, но и слишком шумных происшествий допускать не могли. В своё время инцидент в Усадьбе Цилян даже привлёк внимание высокопоставленных лиц в столице, но расследование было проведено настолько небрежно, что никто не был наказан, и многие избежали ответственности.

Цигуань Янь, немного поразмыслив, сменил тему:

— Случай с Чжоу Тао действительно очень странный. Если мы разберёмся, почему он погиб, то, возможно, смерть Чжоу Юньфэна тоже станет ясна. Нам нужно дождаться возвращения управляющего Линь и госпожи Цзян, чтобы обсудить это вместе. Они, вероятно, смогут обнаружить больше, чем мы...

Он сделал паузу, а затем добавил:

— Завтра мы снова пойдём в Терем Пьяной Весны. Девушка Люло, чьё имя Мэн Цюйцун, возможно, имеет какое-то отношение к госпоже Жуи.

Гу Я ответил:

— Скорее всего, это так. В нынешнее время все, кто появляется в городке Саньци, так или иначе связаны с семьёй Чжоу. Те, кто не имеет к ним отношения, вроде Храма Шаолин, кроме монаха Ушаня, кто ещё сюда приедет?

Услышав о монахе, Цигуань Янь вдруг оживился и, указывая на толпу неподалёку, воскликнул:

— Смотри! Это же Нью Ушань!

На улице было много людей, но та группа явно собралась, чтобы посмотреть на что-то интересное. Нью Ушань был очень высоким, на голову выше обычных людей, и даже в центре толпы можно было разглядеть его характерную голову и легко узнаваемое лицо. Монах был очень забавным, и Цигуань Янь любил с ним общаться, если только не приходилось делить с ним чай или еду.

— Простите, дайте пройти, дайте пройти.

Цигуань Янь, радостный, потянул Гу Я в толпу. Люди, которых они оттесняли, сначала недовольно ворчали, но, увидев ледяное выражение лица Гу Я, замолчали, не решаясь возражать. Таким образом, они пробились в самый центр толпы.

Напротив монаха стоял маленький мальчик с красной точкой на лбу, выглядевший очень мило. Цигуань Янь поднял бровь и, повернувшись к Гу Я, тихо сказал:

— Вот это да, «золотой мальчик и нефритовая девочка» тоже приехали в городок Саньци. Смотри, Нью Ушань всё ещё улыбается, как дурак, и, вероятно, не знает, что этот ребёнок — «Красный Малыш».

В Списке знаменитостей мира боевых искусств было двое, похожих на детей: Цянь Додо, известная как «Тысяча золотых», и Цю Сяоци, прозванный «Красным Малышом». Цянь Додо просто медленно росла, а Цю Сяоци был другим — он практиковал технику, которая заставляла его возвращаться в детство, и его возраст постоянно уменьшался примерно до семи лет, а вместе с ним и умственные способности. Поэтому почти никто не хотел изучать эту технику.

Гу Я посмотрел на него:

— Если бы ты мне не сказал, я бы тоже не знал.

Цигуань Янь смущённо кашлянул:

— Посмотри на него: причёска в виде пучка, румяное лицо, красная точка на лбу, а за спиной, вероятно, его уникальное оружие — Переворот Вселенной. Разве не сразу видно, кто это?

Гу Я промолчал, а через некоторое время добавил:

— Ты действительно очень хорошо знаешь знаменитостей мира боевых искусств.

Цигуань Янь смущённо кашлянул и тихо сказал:

— Это потому, что ты всё время занимаешься мечом. Если бы ты, как я, не мог тренироваться и целыми днями бездельничал, проводя время за чтением всяких историй из мира боевых искусств, ты бы тоже знал их так же хорошо.

Гу Я ничего не сказал, только сжал ладонь Цигуань Яня.

Тем временем монах и Красный Малыш заспорили, их лица покраснели, и они уже почти готовы были подраться.

— Я говорю, я видел карту сокровищ, и я её видел! Я не только видел, я её принёс! — Красный Малыш топнул ногой и вытащил из-за пазухи что-то вроде каменной плиты. — Вот! Это карта сокровищ!

Люди вокруг взглянули на плиту в его руках и вдруг разразились смехом.

— Вот это да, вот это да! В жизни видел карту сокровищ!

— Ха-ха-ха, не зря пришли, не зря пришли!

Даже монах смеялся так, что едва мог дышать:

— Все говорят, что я, Нью Ушань, люблю хвастаться, но ты, я вижу, не хуже! Это карта сокровищ? Это же каменная плита!

Цю Сяоци, чей умственный возраст был всего семь лет, расстроился от их смеха, и слёзы потекли по его лицу:

— Верьте, если хотите! Верьте, если хотите!

Гу Я просто наблюдал за этим зрелищем и потянул за руку Цигуань Яня:

— Пойдём.

Однако Цигуань Янь замер, уставившись на каменную плиту.

Гу Я, увидев его удивлённое выражение, тоже заинтересовался и тихо спросил:

— Что такое?

Цигуань Янь не осмелился говорить вслух, так как вокруг было много зевак, и он беззвучно произнёс по слогам:

— Кар-та со-кро-вищ.

Гу Я широко раскрыл глаза, будто тоже удивился, и придвинулся ближе к Цигуань Яню:

— Правда?

Цигуань Янь, не отводя взгляда, уверенно кивнул, глядя на плиту. Гу Я почувствовал странность — никто бы не подумал, что эта плита — карта сокровищ, но Цигуань Янь сразу же

узнал её и был так уверен. Однако сейчас было не время задавать вопросы, поэтому он промолчал.

Зеваки, поняв, что больше нечего смотреть, постепенно разошлись. Цигуань Янь огляделся и заметил старика, продающего леденцы на палочке. Он купил один и снова догнал Цю Сяоци.

— Красный Малыш?

Цигуань Янь подбежал к Цю Сяоци, который всё ещё был расстроен из-за произошедшего. Он сидел на каменных ступенях у задней двери одного из домов в переулке, хмурился и всхлипывал, крупные слёзы капали на землю. Цигуань Янь даже почувствовал к нему жалость:

— Не плачь.

Цю Сяоци поднял голову. Цигуань Янь был обычной внешности, но выглядел очень приятным, словно на его лице было написано «я хороший человек».

— Кто ты? — Цю Сяоци надул губы и вытер слёзы с лица. — Зачем ты за мной идёшь...?

Гу Я стоял вдалеке у входа в переулок и наблюдал, как Цигуань Янь меняет леденец на карту сокровищ.

— Ты говорил, что у тебя есть карта сокровищ, верно?

Цю Сяоци уверенно кивнул:

— Да, да, они мне не верят, но это действительно карта сокровищ!

Цигуань Янь улыбнулся:

— Они тебе не верят, а я верю. Я знаю, что это карта сокровищ из Гробницы Циляня.

Цю Сяоци, только что осмеянный, теперь обрадовался словам Цигуань Яня:

— Вот видишь! Я же говорил, что это карта сокровищ! Они мне не верят!

Цигуань Янь поспешно погладил его по голове:

— Это их ошибка... Можешь сказать мне, где ты нашёл эту карту?

Цю Сяоци кивнул и указал на юг:

— За городом есть ручей. Сегодня утром я нырнул в него и нашёл это на дне.

Ручей... Цигуань Янь задумчиво потёр подбородок. Похоже, все вещи, которые спрятал Чжоу Юньфэн, связаны с водой.

Он опустил взгляд и увидел, что Цю Сяоци смотрит на леденец в его руке с горящими глазами.

<http://bllate.org/book/15275/1348478>